

И ю л ь 2 0 0 3 г.

28 июля 2003 г., поезд Москва-Севастополь. Белгород. 11.37

На последней встрече с Терещенко мы в принципе договорились о возможности перехода некоторых моих аспиранток, Юли Зубовой (теперь Фадеевой), в первую очередь, а, может, и Маши Князевой или Лены Дорониной, в ПГИ, дабы избавить их от необходимости преподавать. Конечно, преподавание физики (у Лены с Машей) и математики (у Юли) – дело само по себе и полезное, и интересное, но уж больно преподавательская нагрузка обязательная велика, и на собственно аспирантскую – научную – работу и времени, и сил у них явно недостаточно остаётся. Отказаться же от преподавания и жить только на аспирантскую стипендию не устраивало, естественно, девочек по материальным соображениям, особенно Лену – мать-одиночку и Машу, практически содержавшую мать и брата. В ПГИ же они могли бы заниматься исключительно своими научными задачами (и Терещенко обещал не отвлекать их ни на что другое), да ещё и деньги за это получать, хотя и меньшие, чем на преподавательской работе.

Однако, когда я повёл уже вполне конкретный разговор на эту тему с Юлей Фадеевой, та попросила времени подумать над моим предложением, а, подумавши, отклонила его. И под вполне симпатичным предлогом:

- Я не хочу, Александр Андреевич, оставлять преподавательскую работу. Она мне нравится.

- Ну, если нравится... Тут уж я отговаривать не буду. В жизни вообще нужно заниматься только тем, что нравится.

Машу же Князеву и Лену Доронину смущали материальные потери, а Маша к тому же делала дипломную работу в ПГИ у Чернякова и боялась тамошних порядков с обязательным отмечанием времени прихода и ухода с работы и прочих терещенкомельниченковских штучек, которые затруднили бы ей репетиторство с учениками.

- Ну, давайте, для начала попробуем на пол-ставки по совместительству в ПГИ поработать, а там посмотрим. Преподавание же наполовину сократим, всё времени больше на научную работу останется.

Девочки согласились попробовать.

С этим предложением я и отправился к Терещенко, имея к тому же и прочие к нему нужды (подписать командировку в Калининград, бумаги на выплату РФФИ-шных денег двум Юлям – Шаповаловой и Фадеевой за написание статьи, первым выплатам моим аспирантам, шедшим после Олега и Романа).

Терещенко неожиданно отреагировал на моё предложение не просто кисло, а категорически отрицательно:

- Совместители мне не нужны. Это несерьёзно. Совместителей невозможно заставить работать по-настоящему.

- Но они же будут под моим контролем работать над диссертациями!

- Нет, это не то.

- Евгений Дмитриевич, они боятся сразу полностью переходить! И в деньгах теряют, и боятся, что на них ещё что-нибудь навесят кроме работы над диссертациями. Хотят попробовать, и я их понимаю. А вот Вас – нет. С чего-то ведь надо начинать молодые кадры в ПГИ привлекать, а то ведь совсем институт в богадельню превратился!

И тут Евгений Дмитриевич выдал:

- А зачем мне молодые? Мне нужны мужики лет по тридцать пять, защищённые, которые могут сами деньги добывать, проекты писать. Как в Штатах.

- Так где же Вы их найдёте? Их растить надо.

- Мне никого не надо. Потому что государству наука не нужна. На неё нет заказа. Бюджетные деньги – это не деньги.

- В чём же Вы свою задачу как директор института видите? В поддержании процесса более или менее безболезненного ухода ветеранов на пенсию или в могилу?

- Если угодно, да! Чем меньше народу, тем им больше денег на душу достанется.

- И каков нижний предел численности ПГИ? Он существует? Или равен нулю?

Терещенко не оценил юмора. А я не знал, что и сказать ещё. Во, даёт, директор. Ему и наука-то, оказывается, не нужна, потому что, мол, она не нужна государству. А сам-то ты – учёный или кто?

30 июля 2003 г., Севастополь, Мачтовая, 4, кв.45.

Сашуля во Владимире взяла нам с ней билеты на 27-е июля на поезд до Севастополя, где мы собирались провести две недели, чтобы не «отмечать» Сашулин 60(!)-летний юбилей в Мурманске. На это время во Владимир должен был приехать Вова – опекать маму. Я же собирался до этого ещё съездить в Калининград по «Гришиным делам» - выяснить результаты прокурорской проверки моего заявления и обсудить ситуацию с адвокатом Аняновой. И в Мурманске ещё было много дел с аспирантами, а, главное, сёмгу надо было поймать! Зимой Федотов мне принёс десяток разных красивых мух, сделанных его знакомым умельцем, а я ещё ни одной поклёвки в этом сезоне не почувствовал, только мёрз в Шонгуе напрасно. Июнь был холодный, но оставался ещё почти весь июль. Правда, в июле идёт, в основном, «киндяк» - мелкие самцы по 2-3 килограмма весом, но в прошлом-то году я двух икрыных самок во второй половине июля поймал!

Но вместо сёмужных рыбалок мне пришлось срочно лететь в Москву-Владимир.

4-го июля вечером я не мог дозвониться до Сашули – телефон не отвечал, а когда позвонил соседке, Анне Ильиничне, та сообщила, что Сашуля повезла маму на скорой в больницу – у мамы что-то с кишечником, сильные боли. Сашуля вернулась из больницы глубокой ночью и рассказала мне по телефону, что маму положили на операцию по поводу непроходимости кишечника. А через несколько часов Сашуля позвонила снова и уже плачущим голосом сообщила о результатах операции:

- Ну, вот... и всё. Врачи сказали, что она проживёт один-два дня. У неё уже омертвела половина кишечника в результате закупорки артерии, его питающей, оторвавшимся тромбом.

На следующий день, 6-го июля, я вылетел в Москву утренним рейсом. Из аэропорта Домодедово я едва не уехал на экспресс-электричке, оставив бóльшую из двух своих сумок под окошком кассы продажи билетов на эту электричку. Спихнулся у дверей вагона электрички, отправлявшейся через две минуты. Рванул обратно к кассе, схватил сумку – не упёрли, слава Богу! - и успел вскочить в электричку в последнюю секунду. Через сорок минут я был на Павелецком вокзале, оттуда на метро перекинулся на Курский вокзал, там сел на автобус и через два с половиной часа был во Владимире.

Съездили с Сашулей в больницу. Мама лежала в реанимации под капельницей. Сашулю пустили к ней. Мама её узнала. Но когда Сашуля ей сказала, что завтра её сын Вова приезжает, забеспокоилась – зачем, почему? Видно было, что она не совсем понимает, где она, и что с ней произошло.

В этот же день, 6-го июля, приехал Вова и успел застать мать живой. Говорит, что она его узнала, но реакция была её уже слабой.

7-го приехала Ирина. Она сдала свой билет до Севастополя, и Иван с Алёшей отправились туда без неё. В этот же день вылетал из Цюриха Митя, он позвонил оттуда:

- Как бабуля?

Сашуля звонила в больницу утром, часов в девять. Ей сказали, что состояние прежнее, без перемен. Когда приехала Ирина – в середине дня где-то, отправились в

больницу вчетвером: мы с Сашулей, Вова и Ирина. Они втроём прошли в отделение реанимации, я остался на улице. Через несколько минут вижу: выходят все трое, Сашуля плачет. Всё.

Она умерла в одиннадцать утра 7-го июля 2003 года. Предпоследняя из поколения наших родителей. Оставалась одна тётя Тамара. А далее наша очередь настаёт.

Митя приехал ночью. Сашуля не спала, его ждала.

Утром мы все отправились в паталогоанатомическое отделение больницы, где паталогоанатом, мужик лет сорока пяти, за семьсот рублей направил нас как родственников умершей вдовы ветерана вооружённых сил в Военно_Мемориальную компанию к некоему Сергею Кирсанову, оказавшемуся очень внимательным, симпатичным молодым человеком, быстро и недорого уладившим все наши похоронные проблемы – гроб, венки, крест, катафалк, носильщики, место на кладбище рядом с могилой Николая Степановича.

31 июля 2003 г., там же

Хоронили Сашулину маму – бабулю Тоню 9-го июля. Проводить её собралось на удивление много народу – в большинстве бывших учителей из её школы, сами себя называвших «одуванчиками», соседей по дому. Похороны (спасибо Кирсанову) и поминки (спасибо Анне Ильиничне) прошли благопристойно, пришедшие старушки нас похвалили: - Молодцы, детки, хорошо маму проводили.

Вова, с которым мы каждый день тут во Владимире выпивали по вечерам, сетовал, что вот Ирина и Митя приехали бабулю проводить в последний путь (Митя из Германии!), а Антон – третий и самый младший внук, с которым бабуля Тоня больше других нянчилась, нет.

И ещё Вова позавидовал тому что я и Сашуля с Митей тут часами разговариваем, а они с Тamarой со своим сыном, Антоном, парой слов в неделю обмениваются и хорош, и то не каждую неделю ещё.

С Митей мы, конечно, разговоры длинные во Владимире вели. Но не очень-то утешительные. Я прочитал ему вслух последнюю часть своих «Записок», написанную по горячим следам наших последних телефонных разговоров с ним и Леной, когда они о разводе заговорили, а я трубку в конце концов бросил, послав сынулю подальше. С тех пор я им не писал и писать не собирался – чего бисер метать? Сашуля заметила, что, когда я Мите об этом сказал, у него слёзы на глаза навернулись. Я что-то не обратил внимания, может, потому что выпивши был.

Их с Леной отношения были, конечно, главной, если не единственной темой наших там разговоров. Как, впрочем, и их между собой – они по телефону (международному (!)) часами (!) эти свои взаимоотношения выясняли.

Ничего нового я из этих разговоров с Митей не узнал, всё то же самое. Лена периодически (увы, с сокращающимися интервалами) расчёсывает старые болячки во взаимоотношениях с Митей и с нами. И свадьбы настоящей не было, и колец не было, и подарков стоящих, и родители не такие, и сам Митя никуда не годится. А потом вроде успокаивается и наступает период нормальных отношений. Удивляюсь, как Митя всё это терпит? Говорит, что у неё много достоинств, что она заботится о нём...

Сашуля Лену сгоряча вампиршей обозвала, а мне стало казаться, что она просто не вполне здорова психически (отец у неё вроде чуть ли не паранойей страдал в конце жизни), со своего рода неврозом навязчивых мыслей, так хорошо мне знакомым. Может, и женские проблемы у неё на этой почве возникли.

- Ну, что же, сынуля, это твой крест. Неси, - сказал я Мите, прощаясь. Мы сошлись с ним во мнении, что с Леной нам, наверное, лучше вообще избегать контактировать, дабы не раздражать друг друга.

- Переписываться мы с мамой теперь будем, - полувопросительно сказал Митя.

Я пожал плечами. Очень всё это грустно, да что поделаешь?

Дети и внуки бабули Тони, Владимир, 10 июля 2003 г.

Из Владимира я поехал в Калининград. В областной прокуратуре, где я оставил своё заявление месяц назад, меня направили за ответом на него в прокуратуру Балтийского района, как я того и ожидал, предупредив, однако, после звонка туда, что ответ будет отрицательным – «в возбуждении уголовного дела отказать в виду отсутствия события преступления».

Неожиданно я встретил в областной прокуратуре адвоката Анянову, угостил её таблеткой энапа - она как раз страдала от приступа повышенного давления, поделился своим опытом борьбы с гипертонией, чем ей явно угодил. Анянова посоветовала мне подготовить черновик протеста на постановление прокуратуры и показать потом ей, чтобы она поправила, если потребуется. Так я и сделал.

В своём протесте я написал буквально следующее:

«Выражаю своё несогласие с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела по моему заявлению от 3.06.03, вынесенным помощником прокурора Лукиновым В.В., поскольку в нём утверждается, что

1) никаких противоправных действий в отношении гр-на Костюченко Г.В., направленных на вымогательство у него указанной квартиры, не совершалось;

2) сам Костюченко Г.В. по данному факту в правоохранительные органы не обращался;

3) все совершаемые с квартирой действия нотариально заверены и соответствуют требованиям закона;

4) Костюченко Г.В. указывает свой новый адрес в г.Мурманске.

На самом деле

1) о противоправных действиях в отношении Костюченко, направленных на вымогательство указанной квартиры, писала газета «Калининградская правда» №159(15562) от 8.08.02. Ксерокопия прилагается.

2) Костюченко Г.В. обращался в УБОП г.Калининграда (копия его письма приложена к моему заявлению вместе с уведомлением о вручении в УБОП от 3.12.02) и в УБОП Северо-Западного территориального Главного управления внутренних дел от 21.01.03. Ксерокопия этого письма и уведомления о вручении прилагается.

3) Костюченко Г.В. нотариально отменил все подписанные им в период с августа по ноябрь 2002 г. нотариальные документы. Ксерокопия этого заявления прилагается. Костюченко Г.В. не является собственником квартиры №9 на Портовой, 21, так как не вступил в права наследования. Следовательно, квартира не может быть продана до этого времени.

4) По адресу, указанному в заявлениях Костюченко Г.В. (г.Мурманск, ул.Зелёная, 78, кв.57), проживает его бывшая жена, которой о местонахождении Костюченко Г.В. после их развода ничего неизвестно.

Прошу провести повторную проверку по моим заявлениям, так как длительное отсутствие Костюченко Г.В. после совершения определённых действий с квартирой, принадлежащей его покойной матери, вызывает опасения за его жизнь. Эти опасения он высказывал сам лично мне и в своих письмах в УБОП'ы.»

Мой протест Анянова одобрила за чёткость возражений по отдельным пунктам заключения прокуратуры, просто не соответствовавшим фактам. Это заключение выглядело на редкость корявой отпиской. Несмотря, однако, на то, что оно было отрицательным – нет, мол, события преступления – в прокуратуре Балтрайона мне назначили встречу для дачи показаний, которые я и дал охотно, заметив для себя, что в деле по моему заявлению имеется гораздо больше документов, чем я прилагал к этому заявлению. Похоже было, что в нём уже имелись копии того, что я оставлял у судьи Кузнецовой. Тем более странным выглядело отрицательное заключение, всем этим документам противоречащее. Наверное, там решили не спешить с возбуждением уголовного дела, а попробовать сначала отбиться от меня совсем уж формальной отпиской.

Оставив в прокуратуре Балтрайона своё заявление об обжаловании их заключения, я мог уезжать и ждать их нового заключения. Я предложил Аняновой договориться о форме и условиях нашего последующего сотрудничества, на что она мне сказала:

- Ваша задача сейчас – добиться возбуждения уголовного дела, а там посмотрим доказательную базу, тогда и о гонораре поговорим.

Что же, ладушки. Торчат здесь в Калининграде, когда в Мурманске куча дел, и сёмга завершает свой летний ход, мне не хотелось, и я взял билет на самолёт до Мурманска на следующий день, 16 июля, тем более, что внук мой старший, Михаил, в отсутствие родителей вовсю крутил любовь с Женей, старостой их группы, и моё наличие в квартире им явно было ни к чему.

Миша и Женя, 15 июля 2003 г.

Возвратившись в Мурманск, я первым делом, конечно, бросился на рыбалку и со второго, кажется, заезда в Шонгуй поймал-таки сёмгу! Небольшую, правда, на 2 кг 600 г всего, киндяк, но как-никак сёмга, а то я уж боялся, что сезон вообще нулевым окажется. И забавно, что поймал я её сразу, как пришёл, с четвёртого или пятого заброса, вытащил самостоятельно, без ляпа, просто выволок на песок, да и сопротивлялась она что-то не сильно. Я оттащил её в машину, вернулся и ещё пять часов метал мух, но больше поклёвок не было.

Сёмга, пойманная 17 июля 2003 г.

Ездил и потом ещё, но неудачно, с потерями то мух, то поплавок дорогого, свежескупленного. Правда, после этого я, наконец, разработал для себя технологию изготовления из дешёвых частей правильных поплавков для дальних забросов и испытал их в свой последний выезд в Шонгуй. Очень хорошо и летят, и из воды вытаскиваются без сопротивления, и мух я менял в эту последнюю рыбалку, и места все клёвые мухами пробросал, всё вроде бы правильно делал, и погода чудесная была, и рыба присутствовала, а вот удача не улыбнулась – ни одной поклёвки даже не было.

А в этот день на лицензионном пункте пойманную сёмгу на 8 кг зарегистрировали, и навстречу мне мужик попался с сёмгой килограммов на шесть, но на Кривом, где я ловил с ещё тремя рыбаками, за весь день только две небольших сёмги было поймано.

Горбуши было много в Коле в этом году, одну при мне мужик местный поймал на мороженую креветку, и видел, как другой спец двух сёмг вытащил на искусственную ярко-красную креветку, но, говорят, что вообще-то на креветку ловить запрещено, как и на воблера даже, только на муху и блесну якобы можно.

После возвращения из Калининграда я пробыл в Мурманске неделю, раза четыре съездил на рыбалку, и всё один, без Саши Федотова, который погряз в ремонте купленной квартиры, а Таня сидела с младенцем, и у Саши что-то с катушками случилось, новые же он не хотел с бухты-баряхты покупать, надо в Интернете лазить, короче, Саша выезжал только раз, было две поклёвки, но ни одной сёмги не вытащил.

Помимо рыбалок я, разумеется, общался на кафедре по научным нашим делам с Машей, Леной и Ильёй Артамоновым (обе Юли, Олег и Роман были в отпуске), отправил, наконец, последние результаты Ларисе Гончаренко в Миллстоун Хилл, но ответа не дождался, и вернулся во Владимир к Сашуле, которой я был нужен для принятия решения по заказу памятника на могилы Николая Степановича и Антонины Дмитриевны.

Оформив заказ, мы зашли с ней в ближайший универмаг, где в ювелирном отделе выбрали золотую цепочку в качестве моего подарка к предстоящему Сашулиному юбилею. Митя с Ириной купили маме серьги и поручили мне их вручить в Севастополе, а Ирина посоветовала к ним купить цепочку, что я и сделал.